

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'27:811.161.1'42(091)
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-03

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.29

Код ВАК 10.02.19

В. Н. Базылев
Москва, Россия

КАНОН РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ПАВЛА I (о принципах реконструкции российского исторического политического дискурса)

АННОТАЦИЯ. В статье обсуждается тема канона русской политической лексики Павла I. Показана актуальность и возможность реконструкции в сфере политического дискурса ненаписанных или незавершенных авторских текстов. Анализируется идея и состав павловского канона. Выполнена задача реконструкции: восстановлены характерные черты работы императора Павла I с языком и над языком. В понимании Павла канон политической лексики — это основа государственного дискурса, в котором государство говорит с подданными и с миром. В каноне фиксируются слова и их значения, расположенные в определенном порядке: по умолчанию принимаемый порядок смыслов — это порядок государственного устройства. В каноне происходит овнешнение деления языка на «старый» и «новый» с высокой ценностной характеристикой второго и стремление к переименованиям должностей, самого названия государства, титула его главы, географических и личных собственных имен и пр. Все это рассматривается Павлом в качестве естественной функции государственной власти. В полном согласии с эсхатологической мифологией государства-империи акт разрушения-созидания (превращения «старого» мира в «новый») мыслится как переименование и как переистолкование.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лексика; история русского языка; исторический дискурс; политический дискурс; языковая личность; российские императоры.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и прикладного языкознания, Московский педагогический государственный университет; 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1; e-mail: vladimir@4unet.ru.

Сегодня достаточно четко определена сфера интересов такого раздела современной науки о языке, как политическая лингвистика [Чудинов 2006]. Однако в политической лингвистике, являющейся отраслью филологии в целом, пока не уделялось достаточного внимания вопросам реконструкции исторического политического дискурса, в первую очередь российского. При этом реконструкция была и остается краеугольным камнем филологии: сошлюсь на Ю. М. Лотмана, который указывал на актуальность реконструкции дефектных или утраченных произведений [Лотман 1998: 103].

Для политической лингвистики перспективным может стать исследование фальсифицированных и реконструкция не дошедших до нас текстов, принадлежащих конкретным политическим деятелям. Не последнюю роль в необходимости разработки данной проблематики играет тот факт, что реконструкция как метод занимает ведущее место в компаративистике. А компаративистский подход, в свою очередь, приобретает сегодня особое значение, так как отражает, по словам В. П. Котенко, широкое поле интердисциплинарных процессов постнеоклассического научного дискурса, в котором вырисовываются новые комплексные стратегии исследования, метатеории и методологические подходы [Котенко 2007: 21—22].

Опыт разработки обозначенной выше проблематики представлен в настоящей статье. Впервые на языкотворчество Павла I обратил внимание Б. А. Успенский. Это про-

изошло в начале 90-х гг. XX в. Исследуя глубоко российский феномен перехода лингвистических проблем из сферы науки в область государственной практики, он отметил, что император, запрещая употребление тех или иных слов, стремился создать канон русской политической лексики [Успенский 1996: 413]. Исследуя константы русской культуры, Ю. С. Степанов упоминает о языковой политике Павла I в контексте русской общественно-политической жизни конца XVIII в. со ссылкой на повеление императора «об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими» [Степанов 1997: 535—536]. Актуальность данной темы подтверждается возвратом к ее обсуждению десять лет спустя, в середине 2000-х, К. А. Богдановым в связи с вопросом о словарях идеологии в отечественной культуре [Богданов 2006: 6—7]. Все названные исследователи ссылаются на один-единственный источник. Речь идет о «Высочайшем повелении императора Павла 1797 года», разосланном 13 февраля 1797 г., «об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими», напечатанном в журнале «Русская старина» за 1871 г. Однако при более пристальном изучении материала выяснилось, что такого рода документов Павловской эпохи, не привлекавших пока внимания филологов, сохранилось довольно много [Томсинов 2008].

Это позволяет нам обратиться к проблеме реконструкции того, что было названо «павловским каноном политической лексики», на совершенно новом материале. Речь,

© Базылев В. Н., 2017

безусловно, может идти о практике внешней реконструкции, которая ориентируется на системные отношения в дискурсивной практике конкретной эпохи или конкретного автора. Она включает отбор и синхронное сопоставление тождественных или подобных дискурсивных единиц, выявление на их материале системы закономерных соответствий, определение их хронологической соотношенности и восстановление или моделирование протосостояния дискурсивной практики. Этот вид реконструкции основывается на частотности явлений и на имеющихся парадигматических рядах. Теоретическая возможность реконструкции произведения, которое самим автором не было написано, не было завершено (осталось во фрагментах) или по тем или иным причинам до нас не дошло, вытекает из идей, сформулированных применительно к литературоведению Вяч. Вс. Ивановым. На его постулаты мы и будем преимущественно опираться при работе с материалом [Иванов 2004: 11—12].

Реконструируется именно канон, а не словарь, будь то словарь идеологический, словарь языка политического деятеля, русский политический лексикон или исторический словарь политических понятий и концептов. Канон понимается в данном контексте как не подлежащая обсуждению или пересмотру, но при этом академически не кодифицированная (т. е. воспринимаемая как традиция) совокупность норм и правил речевой деятельности человека.

Предлагаемая методика восстановления текста павловского канона на разных его уровнях предполагает следующее: анализ данных историко-филологических исследований; анализ сохранившихся исторических мемуаров, касающихся деятельности политического деятеля; анализ первоисточников, что дает понимание авторского замысла, возможность его восстановления по сохранившимся первоисточникам; выявление интертекстуальной внутренней связи недоосуществленного замысла с другими авторскими текстами; анализ внешнего интертекстуального контекста.

Вокруг так называемого канона политической лексики Павла I в настоящее время существует очень небольшое количество публикаций. Именно вокруг, а не непосредственно о нем. Помимо уже упомянутых работ Б. А. Успенского, Ю. С. Степанова и К. А. Богданова следует назвать работы В. В. Виноградова 30-х гг., Ю. М. Лотмана и В. М. Живова 70-х гг. XX в. [Виноградов 1938: 103—104; Живов 1996: 376; Из истории русской культуры 1996: 430, 436—438].

Выделим основные положения назван-

ных исследований, касающиеся проблематики нашей статьи: канон политической лексики Павла I — это опыт придания русскому языку единообразия как атрибута единообразия имперского; канон политической лексики Павла I — это проявление установки эпохи в целом и лично Павла I на семиотичность, так как одной из отличительных черт русской культуры XVIII столетия является ее ориентированность на язык; канон — это реализация павловской системной идеологии: все внесистемное объявлялось криминальным, а человек мог осуществлять лишь одобренную императором деятельность, в том числе и речевую.

Здесь сразу же сделаем оговорку: что-то во всех предыдущих исследованиях уводило от правильного понимания проблематики в целом. Это «что-то» — социологизм филологических исследований XX в. и, как следствие, идеологическая предвзятость как наследие культурной памяти. Речь не идет исключительно об идеологии советской эпохи. Речь идет об идеологии Российской империи, которая весьма неоднозначно трактовала свою собственную историю и роль представителей дома Романовых в ней. Изучение правления Павла I историками в первой половине XIX в. не поощрялось. «У нас нет даже краткого, фактического обозрения павловского периода русской истории: анекдот в этом случае оттеснил историю», — сетовал в начале XX в. историк С. В. Шумигорский [Шумигорский 1907: 2].

Отсюда проистекает господствующее сегодня представление о павловских годах как периоде удушающей цензуры, периоде запрета книг и переводов, периоде консервативной образовательной политики: «Результатомъ подобнаго цензурнаго потопа былъ всеобщій терроръ, нависшій надъ всею русскою землею, и надо ли прибавлять, что особенно чувствителенъ былъ этотъ терроръ для людей мало-мальски интеллигентныхъ. <...> Слово *общество* было запрещено совсѣмъ употреблять безъ замѣны его какимъ-либо синонимомъ. Въ подобномъ отрицаніи самаго понятія *общество* какъ нельзя болѣе характеристично выразился духъ того времени» [Скабичевский 1892: 66; 84]. Эта цитата идеологически принадлежит концу века XIX. Не удивительно, что филологи начала нынешнего века во многом находятся под влиянием именно такого исторического восприятия Павловской эпохи в целом. К. А. Богданов, например, пишет, что работа Павла над языком — «это был законодательный демарш, продемонстрировавший равнодушие власти к общественно-политической лексике, связанной с самой

возможностью проблематизации сословных характеристик» [Богданов 2006: 125].

Повторим, подобный социологически ориентированный подход, господствующий ныне в историко-филологических исследованиях Павловской эпохи, не кажется нам адекватным. Ведь в методологическом плане социологизм объясняет всё социальное социальным, исключая другие факторы.

Реальные же факты опровергают многие идеологические домыслы конца XIX века и всего века XX. Это касается в первую очередь издательской и переводческой деятельности в конце XVIII в., т. е. в эпоху правления именно Павла I. Активизация переводческой деятельности в последние пятнадцать лет XVIII в. — это явление, которое развивалось в России и вглубь, и вширь. С одной стороны, совершенствовался уровень переводческого мастерства, все обдуманнее становился отбор книг для перевода. С другой — переводами все больше занимались не только в Москве и Петербурге, но и в русской провинции, где постепенно создавались самостоятельные культурные гнезда [Левин 1995: 215; Семенников 1911: 20—21; Блюм 1966: 40—45].

На этом фоне утверждения о продуманной языковой политике, направленной на искоренение всего, что связано с революционными событиями во Франции, не подтверждаются объективными данными. Так, в списке запрещенных к ввозу книг было «Путешествие Гулливера», сатирическая направленность которого должна была нравиться Павлу. В то же время продажа сочинений Руссо не подверглась запрету, не исключая «Общественный договор» [Исторический вестник 1885: 153]. То есть слова «общество», «общественный» исключались из речевой практики, а не из языковой системы (в названии переводных книг) отнюдь не по политическим мотивам.

Характеризуя эпоху Павла (90-е гг. XVIII в.), Ю. М. Лотман будет говорить о том, что «в зависимости от социального и культурного облика того или иного читателя удельный вес русских, французских, немецких, английских, а также латинских и итальянских книг в его активном поле внимания менялся; но сам факт значительно большей поликультурности читателя в конце XVIII века, чем в предшествующие и последующие эпохи, неоспорим» [Из истории русской культуры 1996: 118].

Павловские указы касались в первую очередь не книг, а газет, то есть, как мы сказали бы сегодня, средств массовой информации. Надо отдать должное исследователям XIX в. Они зафиксировали именно этот

аспект языковой политики, цитируя павловские указы: «...многие газетчики отступают от прямой цѣли должности своей и ищутъ, по наущенію ли французовъ или же по собственнымъ своимъ дурнымъ расположеніямъ подражать имъ и что къ сожалѣнію власти нѣкоторыя взираютъ на сіе спокойнымъ духомъ, за нужное признаемъ повелѣть сенату нашему: <...> Сенатъ нашъ имѣетъ обнародовать по всей имперіи, что кто получить газету какую бы то ни было, или періодическое сочиненіе посредствомъ воякировъ, курьеровъ, или же почты, и оное передать изъ рукъ своихъ въ другія, не представя предварительно оныя цензорамъ, то подвергаетъ себя неминуемо суду какъ ослушникъ законовъ» [Скабичевский 1892: 70—71].

Перейдем к анализу сохранившихся исторических мемуаров, касающихся языковой деятельности Павла I, и анализу оригинальных павловских документов, что даст возможность понять авторский замысел, восстановить его по сохранившимся первоисточникам. Также попытаемся выявить интертекстуальные внутренние связи недоосуществленного замысла с другими авторскими текстами; проанализируем внешний интертекстуальный контекст.

Для нашего исследования по причинам, оговоренным выше (см. цитату из С. В. Шумигорского), мы сочли целесообразным воспользоваться таким фундаментальным первоисточником, как «Полное собрание законов Россійской имперіи, съ 1649 года» (максимально полно интересующий нас материал по «языковому законодательству» Павла I представлен в тт. XXIV, XXV и XXVI), а также серией первоисточников, в которых представлены собрания исторических мемуаров:

– *Русская старина : ежемѣсячное историческое изданіе*. Для нас особый интерес представляли выпуски, в которых публиковались записки А. М. Тургенева об эпохе царствовании Павла I (выпуски за 1885—1887, 1889, 1895 гг.);

– *Древняя и Новая Россія*. Этот исторический иллюстрированный ежемесячный журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге с января 1875 г. по март 1881 г., публиковал в том числе интересующие нас документальные материалы и мемуары, связанные с Павловской эпохой;

– *Русскій архивъ*. Этот историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с января 1863 по 1917 г., был основан П. И. Бартевым по замыслу А. С. Хомякова для всестороннего освещения истории России и содержал преимущественно публикации неиз-

данных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю русского дворянства в XVIII и XIX вв. Предпочтение отдавалось эпохам царствований Екатерины II, Павла I и Александра I. Особый интерес представляют записки графа А. И. Рибопьера, относящиеся к концу царствования Екатерины II и к царствованию Павла I (вып. за 1877 г.).

Обратимся непосредственно к процедуре реконструкции тех группы лексики, которые образуют основу павловского канона.

С того момента, как Павел вступил на престол, т. е. с 1796 г., он обратился к двум видам языковой практики: поименование и переименование. Официально зафиксированные указы касаются и могут быть идеографически распределены по двум большим группам: лексика топонимическая и лексика правовая — гражданская и военная.

Например: *Указ от 11 ноября 1796 года Именной, данный Сенату. О переименовании мызы Гатчины городом; Указ от 12 ноября 1796 года Именной, данный Сенату. О переименовании села Павловского городом; Высочайший Приказ от 20 ноября 1796 года, отданный при пароле. О именовании Летнего Дворца Михайловским и др.*

Что касается данного аспекта языковой деятельности Павла, то она не выходит за рамки хорошо изученного явления: переименования топонимов, как правило, эмоционально мотивированы; за ними скрывается стремление изменить ассоциативные связи старого топонима, или, если таковые связи отсутствовали, привнести их, придать имени собственному эмоциональную окраску. Мировоззрение, идеология формируются в том числе и с опорой на эмоциональные переживания. В ситуации целенаправленного формирования мировоззрения субъект этого процесса — государство — осознанно воздействует и на эмоциональную сферу. Идеология, как известно, без эмоций невозможна [Беликов 2005: 236—237]. То же имеет отношение и к сфере антропонимии. Хотя подробные приказы носили единичный характер. Например, *Указ от ноября (без даты) 1799 года. О переименовании рекрута, если кто из них имеет прозвание дворянской фамилии или непристойное наименование, означая сие в списках посылаемых в Инспекторскую экспедицию* [Полное собрание законов... Т. XXV: 902]. Не исключено, что к этому типу переименований относится намерение о составлении Дворянского реестра: 20 января 1797 г. Павлом был дан Сенату Именной указ «О составлении обща-

го Дворянских родов гербовника». Следует упомянуть и Указ сенатский от 28 января 1801 г. «О заведении алфавитных книг в Нижних Земских судах для внесения в оные осужденных на каторгу, в работу и на поселение преступников» [Полное собрание законов... Т. XXV: 516]. В пользу нашего предположения говорит и тот факт, что если за весь XVIII в. (от начала царствования Петра I) высочайшим указом девятнадцать дворянских родов получили княжеское и графское достоинство, то Павел I всего за четыре года правления своими указами создал пять новых княжеских фамилий и 22 графских [Волкова 2010: 388].

Примерами «ревизии» правовой лексики — гражданской и военной — может служить содержание следующих павловских документов: *Высочайший приказ, отданный при пароле от 8 ноября 1796 года. О переименовании в сие звание (унтер-офицер) всех, кого следует; Приказ, отданный при пароле от 12 ноября 1796 года. О именовании прапорщиков корнетами; Указ от 17 ноября 1796 года. О переименовании полков; Указ от 11 января 1797 года Именной, данный Сенату. О переименовании состоящих в статской службе и впредь в оную определяемых военных чинов, в классы службы статской; Указ от 28 марта 1800 года Именной, объявленный Сенату Генерал-Прокурором. Об именовании определенных при денежной казне присяжных счетчиками; Указ от 16 июля 1800 года Именной, объявленный Генерал-Адъютантом графом Ливенным. О именовании инженерных унтер-офицеров кондукторами и др.*

Разумеется, Павел не мог ставить себе целью создать новый политический лексикон. Речь, повторимся, шла именно о каноне. Поэтому неверным было бы направление исследования, пытающееся реконструировать полную идеографическую картину словарной работы Павла.

Однако сам идеографический подход при реконструкции канона представляется нам единственно верным. Дело в том, что для Павла важен был смысл слов. Его не интересовала информация о слове. Ему было важно знать и дать знать другим, какими словами можно выразить нужное значение.

Пример этого находим в Указе от 17 сентября 1800 года, в разделе, названном самим Павлом «Толкование». Он считает необходимым дать в документе именно словарное толкование понятия «роскошь»: «Роскошь разумеется то, если кто не умѣренныя имѣть расходы въ своемъ домѣ, частыя сборищи гостей и сему подобное подающее поводъ къ расточенію имѣнія; мо-

товство же есть картежная и прочія на деньги и вещи игры, продажа собственного скота или какого другого имѣнія, безъ вѣдома своего начальства и безъ всякой нужды на пьянство, или ко удовлетворенію другихъ страстей <...> [Полное собрание законов... Т. XXVI: 310].

Как видим, будучи сыном своего времени, Павел, безусловно, владел приемами толкования слова. Помимо этого, кажется возможным установить связь с той языковой практикой, которая характеризовалась деятельностью Академии Российской, создававшей первый толковый словарь русского языка. Издание словаря было завершено в 1794 году. Но работа Академии прекращена не была. Филологические изыскания продолжались под руководством А. С. Шишкова, который был избран ее членом в декабре 1796 г. Обратим внимание: это год начала правления Павла, ноябрь.

По сути, Павел продолжал дело, начатое его предшественниками. Вслед за И. Сандомирской мы придерживаемся мнения, что в его работе над русским языком присутствовала не тенденция к «очищению» от какого-то влияния (напр., французского или немецкого), а тенденция к «обогащению» [Сандомирская 2001: 204—205]. Обогащению семиотической идеологической составляющей павловской имперской политики. Не было никакого идеологического сопротивления Екатерининской эпохе, как принято иногда представлять судьбу княгини Е. Р. Дашковой и Академии Российской. Наоборот, это было, как мы сказали выше, продолжение традиции. С другими, правда, фаворитами. Но это вполне естественно. Межличностные отношения никто никогда не отменял. Отношение Павла к Екатерине не могло не сказаться и на Е. Р. Дашковой [Российская Академия 2009: 159—160].

К задаче политического воспитания общества, как его видел и продолжал Павел, это отношения не имело. Работа Павла над языком рассматривалась им как средство политического воспитания российского народа. Эта программа была политической не в меньшей степени, чем эстетической, если мы будем иметь в виду эстетическую функцию языка. Его лингвистический проект, если так можно назвать работу Павла с русским языком, принадлежит более общему политическому проекту устройства нового типа государственной власти: речь у Павла идет ведь не больше и не меньше чем о коренных реформах — реформе престолонаследия, ослаблении позиций дворянства, изменении положения крестьян, административной и военной реформе и пр.

Характерны также такие сообщения К. Масона в его «Секретных записках о России»: «Одним из первых распоряжений Павла было строгое предписание торговцам стереть с своих вывесок французское слово *магазин* и подставить там русское слово *лавка*, приводя за основание, что один лишь император мог иметь магазины топлива, муки, зерна и пр., что ни один купец не должен подниматься выше своего значения, но оставаться в нем в своей лавке <...> Павел запретил особенным указом носить *фраки*, *жилеты* и *панталоны*, а также употреблять эти названия <...>. Он запретил Академии пользоваться термином *революция*, говоря о течении звезд, и предписал актерам употреблять слово *позволение* вместо слова *свобода*, которое они ставили в своих афишах» [Масон 1918: 102—103].

Помимо рассмотренных официально зафиксированных павловских текстов, сохранилось большое количество павловских «набросков», прямо или косвенно связанных с его работой с языком. Они также многое дают для прояснения тех целей, которые преследовал Павел.

Обратим внимание на то, что постоянно приводимое в мемуарах слово «деташмент», заменившее по воле Павла слово «отряд», встречается в рукописи всех трех воинских уставов, подготовленных лично Павлом в 1796 г. [Полное собрание законов... Т. XXIV: 104, 136—137, 139—140]. А в тексте Морского устава, также лично написанном Павлом, мы встречаем «ретраншмент» [Полное собрание законов... Т. XXIV: 408].

То есть ни о каком избегании лексических моделей французского языка в связи с революционными событиями во Франции, как принято до сих пор было считать, при новообразовании Павлом терминологической военной лексики для замены старой речи не шло [Летняков 2012: 15—16; Уланов 2008: 37—39].

На это обращали внимание некоторые историки. Так, К. Валишевский указал на то, что при замене слов Павел руководствовался отнюдь не политическими мотивами, так как русские слова заменялись французскими, польскими и даже татарскими: «Независимо от соображений политического характера, он хотел добиться еще литературного пуризма, которым он увлекался. С 23 декабря 1796 года циркуляром князя Куракина, тогдашнего генерал-прокурора, он велел предписать лицам всех чинов, состоящим на государственной службе, „употребление языка более правильного, чем тот, которым они обычно пользуются при письмоводитель-

стве". А именно, он предписывал заменить некоторые русские слова иностранными: *стража* — татарским словом *караул*, *отряд* — французским *деташемент*, *врач* — польским *лекарь*» [Валишевский 1912: 151].

Не исключено, что поиск и анализ аналогичных фрагментов павловских текстов может значительно раздвинуть рамки изучаемой темы.

В этом свете языковая деятельность Павла оказывается более чем уместной. Он продолжает политическую языковую традицию. Его цель — сугубо практическая: он хочет научить и заставить общество думать правильно. А. С. Шишков, как мы знаем, стремился полностью восстановить идеографический принцип построения второго издания Академического словаря. Требование не было принято его последователями, которые предпочли аналитический (алфавитный) порядок презентации слов, руководствуясь соображениями научности. На самом деле иная эпоха — первая четверть XIX в. — стремилась к тому, чтобы избавить словарь от функции сакральной герменевтической системы, в которой весь предшествующий, XVIII в. видел собственно смысл лексикографической работы.

Павел I не мог не подпасть под влияние идей Просвещения и по системе своего воспитания, и по непосредственному знакомству с ними [Вошинская 2011; Семенов 1995]. Он по определению не мог преодолеть рамки эпистемы, в которой, по словам М. Фуко, «язык имел грамматику, поскольку он обладал способностью к представлению» [Фуко 1977: 263]. Постулированный философами Просвещения статус языка как первичного социального института переносит бремя ответственности за язык на инстанции социального регулирования. В первичном социальном институте должен быть порядок, и этот порядок должен кто-то охранять. Попадая в сферу светского администрирования, язык поневоле принимает на себя функции средства для выражения власти, а также и той среды, в которой реализуются властные отношения. В понимании Павла, язык не может не быть языком политическим. Политическая коннотация не могла не присутствовать в языке.

Поэтому не удивительно, что такое устройство языка потребовало специальной инстанции — «цензуры», не столько в строго политическом смысле, сколько в смысле администрирования. Примером может стать *Указ от 17 мая 1798 года Именной, данный Сенату. О устройении цензуры при всех портах, о непропуске без позволения оной привозимых книг и о наказании за непред-*

ставление цензорам получаемых газет, или иных периодических сочинений и за пропуск вредных книг. Потомки конца XIX в. не поняли семиотического дискурс Павловской эпохи и интерпретировали цензуру, как мы видели выше, преимущественно политически.

Следует также принять во внимание, что правление Павла — это переломный момент духовной жизни всей Европы, период перехода от эпохи Просвещения к эпохе романтизма, вне зависимости от того, считать ли для русской культуры таковым рубежом смерть Вольтера в 1778 г. или начало наполеоновской диктатуры в 1799 г. Важно другое: при смене эпох резко меняется и отношение к языку. Мы сталкиваемся с революцией, но революцией филологической, в которой лексикография интерпретируется как проект идеологический, как побочный продукт идеи национального самоопределения.

Не отсюда ли происходят так и не понятые современниками и потомками указы Павла о возвращении студентов из-за границы в Россию под страхом конфискации имущества? Вовсе не страх верховной власти перед проникновением в Россию революционных идей обусловил временный запрет на обучение молодых дворян в иностранных учебных заведениях. О каком революционном влиянии могла идти речь, когда с момента Французской революции минуло уже почти десять лет, и она фактически похоронила саму себя? 1799 год — это тот год, когда Наполеон Бонапарт, будучи первым консулом, сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Процесс Радищева, а затем Новикова, т. е. официальная реакция на французские события со стороны Екатерины II, сменяются павловским отношением, которое просматривается в его конкретных решениях: Павел возвращает свободу Радищеву, Новикову и Костюшко, а последнему даже разрешает выехать в Америку. А 27 ноября 1797 г. появляется *Высочайший приказ, отданный при пароле. О принятии корпуса Принца Конде в службу Его Императорского Величества* [Полное собрание законов... Т. XXIV: 806—807].

На самом деле, с нашей точки зрения, речь идет об этапном мероприятии по созданию собственной системы высшего образования в России. Царствование Павла I практически ускользает от взгляда историков педагогики, разрывая «екатерининско-александровскую линию» развития российского образования. В то же время, по словам А. Б. Каменского, «единственной сферой, в которой можно говорить о движении вперед, была именно система образования». За неполных пять лет правления было изда-

но более 30 указов, касающихся преобразований в системе образования в России. Обратимся к фактам. Во-первых, речь преимущественно шла не столько о возвращении, сколько о неотправлении впредь в массовом порядке молодых людей на обучение за границу и создании собственной системы университетского (и не только) образования (*Указ от 9 апреля 1798 года Именной, объявленный Сенату Генерал-Прокурором. О запрещении отправлять в Иностранные училища молодых людей и о учреждении Университета для Лифляндского, Эстляндского и Курляндского рыцарства* [Полное собрание законов... Т. XXV: 186 сл.]). Во-вторых, напомним, что ко времени правления Павла в России существовали всего два высших учебных заведения: Славяно-греко-латинская академия, учрежденная еще в 1687 г., и Московский университет, основанный императрицей Елизаветой Петровной в 1755 г.

Это российская ситуация XVIII в. В истории же европейских университетов конец XVIII в. ознаменовался кризисом — столь глубоким, что дальнейшее существование университетов вообще было поставлено под сомнение. По данным, собранным А. Ю. Андреевым, один за другим они исчезали с карты Европы. Из 143 университетов в 1789 г. к 1815 г. осталось только 83. За двадцать лет, с 1798 по 1818 г., Германия лишилась 18 университетов из 35 действовавших к началу данного периода в границах Священной Римской империи, т. е. более половины. Среди прекративших существование были такие старейшие немецкие обители учености с богатой историей и традициями, как университеты в Кельне, Эрфурте, Виттенберге.

Особенно драматически выглядела их судьба во Франции, все 24 университета которой были закрыты, и в Испании, где сумели сохраниться лишь 10 из 25 университетов. Не менее серьезно ударил кризис и по университетскому ландшафту Центральной Европы. Это крушение было естественным следствием внутренних процессов, происходивших в самих университетах на излете «доклассической» эпохи их истории, став одним из проявлений общего политического кризиса Европы на рубеже XVIII—XIX вв. А. Ю. Андреев и С. И. Посохов приводят следующие свидетельства: «Фактор Франции имел особое значение для начала университетского кризиса. Во второй половине XVIII в. обучение во французских университетах находилось на особенно низком уровне. Это отмечали просветители, но королевский двор не предпринимал никаких

усилий для изменения ситуации. Так, в Сорбонне еще со времен Декарта была запрещена вся новая философия, а профессора занимались разного рода побочной деятельностью, пренебрегая чтением лекций. Корпоративный строй здесь окончательно деградировал, приводя к тому, что на кафедры всходила „толпа пронирыливых невежд“, экзамены на докторские степени превратились в пустую формальность, а ученые дипломы покупали те, кто мог за них заплатить» [Андреев 2009; Андреев, Посохов 2012].

Вот о каком «зловредении» говорит Павел в своих указах, а не о социологически вульгарно интерпретируемом влиянии французских революционных идей.

Что касается интертекстуальной внутренней связи недоосуществленного замысла канона с другими написанными павловскими текстами, относящимися к той же теме, то здесь интерес представляют несколько указов, языковое содержание которых может считаться «подступами» к теме. Дело в том, что в них осуществляется решение о кодификации, ориентированной на язык.

16 декабря 1796 г. появляется *Именной указ, данный Генерал-Прокурору. О собрании в Уложенной Комиссии и во всех Архивах изданных доныне узаконений и о составлении из оных трех книг законов Российской Империи: Уголовных, Гражданских и Казенных дел*. В нем, как и в некоторых других, проявляется характерное для второй половины XVIII в. стремление к образной внешней форме, строгой, отточенной стилистике, а на их основе — к облегченной доступности восприятия текста. Но переход в письменной речи на «нормальную» лексику, «простое русское слово» требовал времени, серьезной научной проработки. Начавшая активно практиковаться при Павле I книжная форма изложения русскоязычных правовых текстов с необходимостью затронула все средства языка — и лексические, и морфологические [Юртаева 2009: 109—110].

Обратим внимание и на тот факт, что во всех Уставах, редактируемых лично Павлом, присутствует опыт составления словаря команд и их истолкования. Например, в Уставе Военного флота от 25 февраля 1797 г. Павел вводит специальную главу, представляющую собой «словарь команд» с ситуативным комментарием их использования:

«Командуетъ: *учение будетъ пушками!* Въ то время Командоръ долженъ, имѣя на плечахъ рогъ съ порохомъ, стать позади пушки, положивъ правую руку на покрыву затравки; подъ нимъ его помощникъ у фити-

ля, который долженъ воткнуть быть у обрѣза съ водою или пескомъ; а прочіе раздѣлившись на двѣ части, по обѣ стороны пушки» [Полное собрание законов...Т. XXIV: 478].

Представляет особый интерес расширенный контекст павловской языковой политики. Приведем один показательный пример: «Помимо надзора политического характера, повсеместная полиция наблюдает также за строгим исполнением массы правил, касающихся не только формы шляп и покроя платья. У ворот столицы на огромных досках написаны многочисленные предписания, с которыми жители города обязаны соотноситься, остерегаясь особенно произносить слово *курносый*, в котором может скрываться непочтительный намек» [Древняя и новая Россия 1877: 89]. Интерес к этому факту Е. С. Шумигорского выявил нечто иное, не имеющее к личности Павла и его языковой политике непосредственного отношения: «Усердная не по разуму полиция, под видом желанія угодить новому императору, делала и от себя странные распоряжения; так, напр., запрещено было употребление слов „курносый“ и „Машка“» [Шумигорский 1907: 93]. Одним из интересных, но мало пока привлекавших внимание отечественных филологов интертекстуальных явлений выступает практика фальсификации текстов политических деятелей. Это, безусловно, может стать еще одним перспективным направлением в исследовании российского политического дискурса. В контексте статьи ограничимся указанием на то, что в журнале «Русская старина» за 1873 г. была помещена подборка под общим заголовком «Самозванцы-объявители указов императора Павла I. 1800». В ней говорилось: «Множество странных распоряжений, во множестве состоявшихся в 1797—1800 годах, каковыя распоряжения касались нередко условий совершенно частного и общественного быта, повергли население столицы в тревожное положение; этим решились воспользоваться некоторые смельчаки-мошенники, и, с целью лихоимства, стали предъавлять мнимые указы и распоряжения императора Павла. Двое таких объявителей небывалых актов верховной власти были изловлены полицией...» [Русская старина 1873: 717—718].

Итак, мы смогли в итоге реконструировать некоторые фрагменты канона русской политической лексики Павла I как не подлежащих обсуждению и принимаемых к обязательному использованию человеком государства Российского лексических норм речевой деятельности. Реконструировать фрагмент канона в нашем случае означало полу-

чить таксономию групп лексики, преобразуемых волею императора.

Реконструируемые идеографические сферы лексики политического павловского канона таковы:

- сфера топонимии, например: *Мыза Гатчина — город Гатчина; Село Павловское — город Павловское; Летний дворец — Михайловский Дворец; Вытегорский канал — Марьинский канал; Город Григориополь — город Черный* <...>;

- сфера антропонимии, например: *Дворянский гербовник*;

- сфера официальной социально-правовой устной и письменной коммуникации гражданского общества, например: *Обозрение — осмотрение; Выполнение — исполнение; Приверженность — привязанность или усердие; Общество — собрание; Пособие — помощь или вспоможение; Граждане — жители или обыватели; Гражданин — купец или мещанин; Именитый гражданин — именитый купец; Отечество — государство; Народное училище — школа* <...>; *Клуб — Ø* (запрещено к употреблению, замена не зафиксирована); *Совет — Ø* (запрещено к употреблению, замена не зафиксирована); *Представители — Ø* (запрещено к употреблению, замена не зафиксирована);

- сфера прагматонимии, например, запрет на именованіе иностранной валюты берлинками, тройками и грошами; о запрещении *иностраннх клейм и надписей* на изделиях отечественного производства <...>;

- сфера иерархического именования в гражданском обществе, например: *Врач — лекарь; Степень — класс; Присяжный — счетчик* <...>;

- сфера официальной устной и письменной коммуникации военного сообщества, например: *Преследование — посланный в погоню; Стража — караул; Отряд — detachment или команда; Батальон — полк* <...>;

- сфера иерархического именования военного сообщества, например: *Сержант — унтер-офицер; Прапорщик — корнет; Инженерный унтер-офицер — кондуктор; Квартирмистер — капитан; Первый офицерский чин артиллерии — подпоручик; Коммисариатский и провиантский служитель — магазин-вахтер* <...>.

Заключение

Мы обратились к теме канона русской политической лексики Павла I, чтобы показать актуальность и возможность реконструкции в сфере политического дискурса ненаписанных или незавершенных авторских текстов.

Идею и состав павловского канона можно в итоге исследования охарактеризовать следующим образом. В понимании Павла канон политической лексики — это основа государственного дискурса или дискурса государства, в котором оно говорит с подданными и с миром. В каноне фиксируются слова и их значения, которым придается определенный порядок: порядок смыслов по умолчанию — это порядок государственного устройства. В каноне воплощается демиургическая роль императора, созидającego мира за счет раскрытия недоступных другим взаимоотношений между словами. Ему доступен ключ к неянвному, но неоспоримому порядку. Он — свидетель и хранитель коллективного бессознательного эпохи. Он подчиняется практике правил истинности и ценности. Он эксплицирует значения и тем самым критикует сущее, создавая параллельно новые культурные конструируемые.

В каноне происходит овнешнение деления языка на «старый» и «новый» с высокой ценностной характеристикой второго и стремление к переименованиям должностей, самого названия государства, титула его главы, географических и личных собственных имен и пр. Все это рассматривается Павлом в качестве естественной функции государственной власти. В полном согласии с эсхатологической мифологией акт разрушения-созидания (превращения «старого» мира в «новый») мыслится как переименование и как переистолкование.

Для всей той области реконструкции канона, на прояснение которой ориентирована настоящая статья, едва ли не основное значение имеет сопоставление восстанавливаемого «прототекста» со всем известным корпусом произведений автора. О ненаписанном произведении можно судить с достаточной долей достоверности, потому что хорошо изучены все остальные до нас дошедшие тексты. Поэтому задача реконструкции оказалась выполнима в той мере, в какой уловлены характерные черты павловской работы с языком и над языком.

Перспективной филологической работы может стать реконструкция подобных канонов как феномена русской языковой политической культуры не только Павловской эпохи. Б. А. Успенский указывает на то «поразительное постоянство», с которым самодержавцы российские от Петра I до Николая II создавали подобные прецедентные тексты. Однако практика создания канона и его реконструкции представляет не только чисто исторический интерес для современной отечественной филологии. Подобная языковая практика — это одна из констант русской

лингвокультуры. Обратимся к современности и приведем свидетельство журналистики М. Липман: «На заре независимой журналистики... когда начинались „Независимая газета“, „Коммерсантъ“, в этих новых изданиях составлялся список слов, запрещенных и, наоборот, рекомендованных к употреблению... Помню, что рекомендовалось слово „правительство“ заменять на „администрация“. М. Липман прямо указывает, что „это был идеологический шаг, он знаменовал собой отказ от советского бюрократического языка“. Скажем, „правительство“ тогда ассоциировалось с советским правительством, а „администрация“ — с „настоящей“, по мнению журналистов, властью в США и других странах. То есть был взят тот же курс на отказ от традиции и сближение с западными СМИ, что и в случае отказа от отчеств...» [Алпатов 2010: 209]. Так что исследование именно жанра канона русской политической лексики только начинается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. Что угрожает русскому языку? // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / под ред. акад. Е. П. Чельшева. — М.: Азбуковник, 2010. С. 202—211.
2. Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. — М.: Знак, 2009. 640 с.
3. Андреев А. Ю., Посохов С. И. Университет в Российской империи XVIII — первой половины XIX века. — М.: РОССПЭН, 2012. 671 с.
4. Беликов В. И. Языковая политика в топонимии как воспитание чувств и ее отражение в справочных изданиях как зеркало государственных эмоций // Эмоции в языке и речи: сб. науч. ст. / под ред. И. А. Шаронова. — М.: РГГУ, 2005. С. 236—250.
5. Блюм А. В. Издательская деятельность в русской провинции конца XVIII — начала XIX в. // Книга. Исследования и материалы. — М.: Книга, 1966. С. 38—52.
6. Богданов К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. — М.: Новое литературное обозрение, 2006. 353 с.
7. Валишевский К. Император Павел I. Его жизнь, царствование и смерть. — СПб.: Изд. Т-ва А. С. Суворина: Новое Время, 1912. 662 с.
8. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. — М.: Учпедгиз, 1938. 448 с.
9. Волкова Е. А. Российское законодательство в период правления Павла I и его влияние на состояние правопорядка в стране // Изв. Тульск. гос. ун-та. 2010. № 1—2. С. 387—395.
10. Вошинская Н. Ю. «Воспитание львов»: Шарль Массон — губернатор // Французский ежегодник. 2011. Т. 43. С. 294—314.
11. Древняя и новая Россия: иллюстрированный ежемесячный исторический сб. 1877. № 1. С. 86—91.
12. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 591 с.
13. Иванов Вяч. Вс. О принципах и методах реконструкции не дошедших до нас произведений // Избранные труды по семиотике и истории культуры / Вяч. Вс. Иванов. — М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 3. С. 11—68.
14. Из истории русской культуры. В 7 т. Т. 4 (XVIII — начало XIX века). — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 832 с.
15. Исторический Вестник: историко-литературный журн. Т. XXII. — СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1885. 944 с.
16. Котенко В. П. Компаративистика — новое направление методологии анализа научной деятельности и развития

науки // Библиосфера. 2007. № 3. С. 21—27.

17. Левин Ю. Д. История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. — СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 1995. 316 с.

18. Летняков Д. Э. Очерки истории русской политической мысли. — М. : Летний сад, 2012. 176 с.

19. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве / Ю. М. Лотман. — СПб. : Искусство — СПб, 1998. С. 14—285.

20. Массон К. Секретные записки о России, в частности о конце царствования Екатерины II и правлении Павла I. — М. : Изд-во Н. На-го, 1918. 144 с.

21. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XXIV (1796—1797). — СПб. : Типогр. II Отдѣления Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1830. 872 с.

22. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XXV (1798—1799). — СПб. : Типогр. II Отдѣления Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1830. 932 с.

23. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XXVI (1800—1801). — СПб. : Типогр. II Отдѣления Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1830. 880 с.

24. Российская Академия (1748—1841): язык и литература в России на рубеже XVIII—XIX веков. — СПб. : Ин-т лингвистических исследований РАН, 2009. 220 с.

25. Русская старина : ежемѣс. историческое изд. 1873. Т. 7. № 5. С. 717—718.

26. Сандомирская И. Книга о Родине // Wiener Slawistischer

Almanach. Sonderband. 2001. № 50. 264 с.

27. Семенников В. П. Литературная и книгопечатная деятельность в провинции в конце XVIII-го и в начале XIX веков // Русский библиофил. 1911. № 6. С. 14—39.

28. Семенов В. А. Читательские интересы императора Павла I // Император Павел Первый и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России. — СПб. : КультИнформПресс, 1995. С. 117—130.

29. Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1700—1863). — СПб. : Товарищ. «Общественная Польза», 1892. 502 с.

30. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

31. Томсинов В. А. Законодательство императора Павла I. — М. : Зерцало, 2008. 308 с.

32. Уланов А. В. Формирование и функционирование военной лексики в русском языке XVII—XVIII веков. — Омск : Омский ГУ, 2008. 180 с.

33. Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Избранные труды / Б. А. Успенский. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. Т. 2 : Язык и культура. С. 411—572.

34. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — М. : Прогресс, 1977. 408 с.

35. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М. : Флинта : Наука, 2006. 254 с.

36. Шумигорский Е. С. Император Павел I. Жизнь и царствование. — СПб. : Тип. В. Д. Смирнова, 1907. 264 с.

37. Юртаева Е. А. Язык закона и техника законотворчества в дореволюционной России // Журнал российского права. 2009. № 11. С. 106—120.

V. N. Bazylev

Moscow, Russia

THE CANON OF RUSSIAN POLITICAL VOCABULARY OF PAUL I

(based on the principles of historical reconstruction of Russian political discourse)

ABSTRACT. The article discusses the Canon of Russian political vocabulary of Paul I. and the urgency and the possibility of reconstruction of unwritten or incomplete original texts. It also discusses the idea and the composition of Paul's Canon. The article describes verbal reconstruction and the features of Emperor Paul's work with the language and on the language. The Emperor sees the Canon of political vocabulary as the foundation of public discourse, in which he talks with his subjects and with the world. The Canon documents define words in a certain order: default order of the meanings is the order of state structure. The Canon divides the language into "old" and "new" with the high value of the latter, there is trend for renaming governmental positions, the name of the state, the title of the head of state, geographical and personal proper names, etc. All these are regarded by the Emperor as a natural function of government. In full accord with the eschatological mythology of the Empire, an act of destruction-creation (the transformation of the "old" world into "new") is thought of as renaming and reinterpreting.

KEYWORDS: political words; history of the Russian language; historical discourse; political discourse; linguistic persona; Russian Emperors.

ABOUT THE AUTHOR: Bazylev Vladimir Nikolayevich, Doctor of Philology, Professor, Department of General and Applied Linguistics, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.

REFERENCES

1. Alpatov V. M. Chto ugrozhaet russkomu yazyku? // Reshenie natsional'no-yazykovykh voprosov v sovremennoy mire. Strany SNG i Baltii / pod red. akad. E. P. Chelysheva. — M. : Azbukovnik, 2010. S. 202—211.

2. Andreev A. Yu. Rossiyskie universitety XVIII — pervoy poloviny XIX veka v kontekste universitetskoy istorii Evropy. — M. : Znak, 2009. 640 s.

3. Andreev A. Yu., Posokhov S. I. Universitet v Rossiyskoy imperii XVIII — pervoy poloviny XIX veka. — M. : ROSSPEN, 2012. 671 s.

4. Belikov V. I. Yazykovaya politika v toponimii kak vospitanie chuvstv i ee otrazhenie v spravochnykh izdaniyakh kak zerkalo gosudarstvennykh emotsiy // Emotsii v yazyke i rechi: sb. nauch. st. / pod red. I. A. Sharonova. — M. : RGGU, 2005. S. 236—250.

5. Blyum A. V. Izdatel'skaya deyatel'nost' v russkoy provintsii kontsa XVIII — nachala XIX v. // Kniga. Issledovaniya i materialy. — M. : Kniga, 1966. S. 38—52.

6. Bogdanov K. A. O krokodilakh v Rossii. Ocherki iz istorii zaimstvovaniy i ekzotizmov. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 353 s.

7. Valishevskiy K. Imperator Pavel I. Ego zhizn', tsarstvovanie i smert'. — SPb. : Izd. T-va A. S. Suvorina : Novoe Vremya, 1912. 662 s.

8. Vinogradov V. V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII—XIX vv. — M. : Uchpedgiz, 1938. 448 s.

9. Volkova E. A. Rossiyskoe zakonodatel'stvo v period pravleniya Pavla I i ego vliyanie na sostoyanie pravoporyadka v strane // *Izv. Tul'sk. gos. un-ta*. 2010. № 1—2. S. 387—395.
10. Voshchinskaya N. Yu. «Vospitanie l'vov»: Sharl' Masson — guverner // *Frantsuzskiy ezhegodnik*. 2011. T. 43. S. 294—314.
11. Drevnyaya i novaya Rossiya : illyustrirovannyi ezhegodnik. istoricheskii sb. 1877. № 1. S. 86—91.
12. Zhivov V. M. Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka. — M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1996. 591 s.
13. Ivanov Vyach. Vs. O printsipakh i metodakh rekonstruktsii ne doshedshikh do nas proizvedeniy // *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury* / Vyach. Vs. Ivanov. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. T. 3. S. 11—68.
14. Iz istorii russkoy kul'tury. V 7 t. T. 4 (XVIII — nachalo XIX veka). — M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1996. 832 s.
15. *Istoricheskiy Vestnik : istoriko-literaturnyy zhurnal*. T. XXII. — SPb. : Tip. A. S. Suvorina, 1885. 944 s.
16. Kotenko V. P. Komparativistika — novoe napravlenie metodologii analiza nauchnoy deyatel'nosti i razvitiya nauki // *Bibliosfera*. 2007. № 3. S. 21—27.
17. Levin Yu. D. Istoriya russkoy perevodnoy khudozhestvennoy literatury. Drevnyaya Rus'. XVIII vek. — SPb. : Izd-vo «Dmitriy Bulanin», 1995. 316 s.
18. Letnyakov D. E. Ocherki istorii russkoy politicheskoy mysli. — M. : Letniy sad, 2012. 176 s.
19. Lotman Yu. M. Struktura khudozhestvennogo teksta // *Ob iskusstve* / Yu. M. Lotman. — SPb. : Iskusstvo — SPB, 1998. S. 14—285.
20. Masson K. Sekretnye zapiski o Rossii, v chastnosti o kontse tsarstvovaniya Ekateriny II i pravlenii Pavla I. — M. : Izd-vo N. Na-go, 1918. 144 s.
21. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s" 1649 goda*. T. XXIV (1796—1797). — SPb. : Tipogr. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskago Velichestva Kantselyarii, 1830. 872 s.
22. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s" 1649 goda*. T. XXV (1798—1799). — SPb. : Tipogr. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskago Velichestva Kantselyarii, 1830. 932 s.
23. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s" 1649 goda*. T. XXVI (1800—1801). — SPb. : Tipogr. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskago Velichestva Kantselyarii, 1830. 880 s.
24. Rossiyskaya Akademiya (1748—1841): yazyk i literatura v Rossii na rubezhe XVIII—XIX vekov. — SPb. : In-t lingvisticheskikh issledovaniy RAN, 2009. 220 s.
25. Russkaya starina : ezhegodnik. istoricheskoe izd. 1873. T. 7. № 5. S. 717—718.
26. Sandomirskaya I. Kniga o Rodine // *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband*. 2001. № 50. 264 s.
27. Semennikov V. P. Literaturnaya i knigopечатnaya deyatel'nost' v provintsii v kontse XVIII-go i v nachale XIX vekov // *Russkiy bibliofil*. 1911. № 6. S. 14—39.
28. Semenov V. A. Chitatel'skie interesy imperatora Pavla I // *Imperator Pavel Pervyy i Orden Sv. Ioanna Ierusalimskogo v Rossii*. — SPb. : Kul'tInformPress, 1995. S. 117—130.
29. Skabichevskiy A. M. Ocherki istorii russkoy tsenzury (1700—1863). — SPb. : Tovarishtch. «Obshchestvennaya Pol'za», 1892. 502 s.
30. Stepanov Yu. S. Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. — M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1997. 824 s.
31. Tomsinov V. A. Zakonodatel'stvo imperatora Pavla I. — M. : Zertsalo, 2008. 308 s.
32. Ulanov A. V. Formirovanie i funktsionirovanie voennoy leksiki v russkom yazyke XVII—XVIII vekov. — Omsk : Omskiy GU, 2008. 180 s.
33. Uspenskiy B. A. Spory o yazyke v nachale XIX veka kak fakt russkoy kul'tury // *Izbrannye trudy* / B. A. Uspenskiy. — M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1996. T. 2 : Yazyk i kul'tura. S. 411—572.
34. Fuko M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk. — M. : Progress, 1977. 408 s.
35. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 254 s.
36. Shumigorskiy E. S. Imperator Pavel I. Zhizn' i tsarstvovanie. — SPb. : Tip. V. D. Smirnova, 1907. 264 s.
37. Yurtaeva E. A. Yazyk zakona i tekhnika zakonotvorchestva v dorevolutsionnoy Rossii // *Zhurnal rossiyskogo prava*. 2009. № 11. S. 106—120.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.